

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии	5
В. М. Иллич-Свитыч. К этимологии слов <i>морковь</i> и <i>тыква</i>	16
А. С. Львов. Славянские слова с корнем <i>chal-/chol-</i>	27
П. С. Кузнецов. О форме слова <i>библиотека</i>	39
В. А. Меркулова. К этимологии слова <i>пихта</i>	46
В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки (О русских словах <i>воззрение</i> и <i>завзвлящий</i>)	52
Н. М. Шанский. Этимологические заметки	61
В. И. Абаев. Как русское <i>уклад</i> „сталь“ помогло выяснить этимологию осетинского <i>ændon</i> „сталь“	73
Вяч. В. Иванов. Русское <i>молить</i> и хеттское <i>malda(i)-</i>	80
О. Н. Трубачев. Славянские этимологии. 28. Болгарское диалектное <i>ма́ка</i> „скот“	87
Список сокращений	90

Этимологические исследования по русскому языку

Вып. I

Редактор Т. В. Шанская

Техн. редактор М. С. Ермаков

Сдано в набор 9.V 1959 г. Подписано к печати 22.III 1960 г. Л-90208.
Формат 60 × 92/16. Печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 5,75. Издат. № 1148. Зак. 365.
Тираж 4500. Цена 3 р. 45 к.

Издательство Московского университета Москва, Ленинские горы

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Вып. I

Под редакцией проф. П. С. Кузнецова

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1960

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кафедрой русского языка филологического факультета Московского университета начата работа по подготовке нового этимологического словаря русского языка. Осуществление создания такого словаря, который полностью удовлетворял бы запросам широкого круга читателей, — дело будущего. В качестве материалов, которые смогут быть использованы при составлении этого словаря, решено систематически опубликовывать этимологические исследования в области русского языка. Первый выпуск этих исследований и предлагается вниманию читателей.

Поскольку этимологией в самом широком смысле принято называть учение о происхождении слова, поскольку вопрос о происхождении слова во многих случаях трудно отграничить от его конкретной истории, а также от вопроса о словообразовательных связях этого слова с другими словами, статьи настоящего сборника носят весьма различный характер.

Часть из них посвящена происхождению некоторых терминов, которые были унаследованы из общеславянского языка русским языком (статьи В. Н. Топорова и В. М. Иллича-Свитыча).

К этим статьям примыкает статья А. С. Львова, исследующая этимологию одного общеславянского, по мнению автора, корня в различных словах, образованных от него в отдельных славянских языках.

Статьи П. С. Кузнецова и В. А. Меркуловой посвящены заимствованным словам. Они имеют целью определить пути проникновения этих слов в русский язык и их историю в самом русском языке.

Одна из заметок В. В. Виноградова, входящих в его статью, посвящена изменению словообразовательной структуры и развитию значения слова *воззрение*, образованного

из славянских морфем под воздействием западноевропейских языков. Словообразовательно-семантические связи некоторых русских слов рассматриваются в другой заметке В. В. Виноградова.

Происхождению и словообразовательным связям различных слов русского языка, содержащих славянские корни, посвящена статья Н. М. Шанского.

Объяснению этимологических связей на основании анализа семантических отношений и их развития посвящены статьи В. И. Абаева и Вяч. Вс. Иванова. В них привлечен большой материал из различных индоевропейских, а частью и неиндоевропейских языков.

Статья О. Н. Трубачева стоит несколько особняком, так как посвящена этимологии одного болгарского диалектного слова. Но, поскольку этимологически родственное ему слово имеется в русском языке, и эта статья определенным образом связана с этимологическими исследованиями по русскому языку.

Все статьи представляют собой результат самостоятельного исследования авторов. Некоторые из них содержат гипотезы, не представляющиеся достаточно убедительными. Однако мы нашли возможным опубликовать эти статьи, так как изложение и обсуждение спорных положений будет способствовать окончательному выяснению истины.

В. Н. Топоров

ИЗ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

РУБА

Праславянское происхождение этого слова очевидно. С одной стороны, это подтверждается данными всех славянских языков, начиная с самых ранних текстов. С другой стороны, остальные индоевропейские языки, в том числе и наиболее близкие, насколько известно, не сохранили слов указанного корня со значением „рыба“. Последнее обстоятельство не должно нас удивлять, так как вообще не существует общеиндоевропейского названия рыбы; в лучшем случае можно говорить об определенных изоглоссах, таковы, например, итало-кельто-германская, или армяно-греко-балтийская, или индоиранская лексические изоглоссы общего названия класса — *pīscēs*. Некоторое уточнение хронологических границ славянского слова *ryba* было бы достигнуто в том случае, если бы подтвердилось мнение о более древнем праславянском названии рыбы — **zъrbъ*, некогда включавшемся в ряд лит. *žuvīs*, латышск. *zivs*, *ziivs*, прусск. *suckis*, греч. ἰχθύς, арм. *jukn*, но в известный период исчезнувшем по табуистическим соображениям¹ и замененным новым словом *ryba*.

Что же касается этимологии слова *ryba*, то, если не считать некоторых не пользующихся успехом и явно ошибочных объяснений², по поводу этого слова существует два авторитетных мнения. Оба они были выдвинуты еще в XIX в., а затем постоянно оспаривались и несколько подновлялись.

¹ См. M. Vasmer. Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu. ZfslPh. 20, 1948, 453; его же, REW, B. II, S. 554 и отчасти A. Vailant. L'ancien nom slave du „poisson“. RESl. 18, 1938, pp. 246—248.

² Ср. сопоставления с лат. *rubēta*, и.-евр. **urmbhā*, и.-евр. *rā-* (ср. польск. *ruch*, чешск. *rychly* и т. д.) и др.

Согласно наиболее распространенному объяснению, слав. *ryba* находится в родстве с др.-в.-нем. *rûppa, rûpa* „гусеница, налим“ (ср. нем. *Raure*). По другому мнению, берущему начало от С. П. Микуцкого и по-новому аргументированному А. Вайяном³, слав. *ryba* представляет собой отглагольное имя (сначала помет actionis) от *ryti*. Ни одна из этих этимологий не может считаться доказательной. В этом легко убедиться, если иметь в виду критику этимологии Вайяна со стороны Брюкнера⁴ и Фасмера и, наоборот, претензии Вайяна к традиционному сближению этимологии слова *ryba* с *rûppa*. Обе этимологии вызывают, кроме того, серьезные сомнения с точки зрения словообразования: примеров употребления суффикса *-ba*, подобных *ryba* от *ryti*, в славянских языках, кажется, нет (балтийские образования типа лит. *laibas, lièbas* и т. д., помимо некоторых отличий от славянских примеров, относятся к хронологически совершенно иной эпохе); сопоставление же с др.-в.-нем. *rûppa* привело бы к признанию формы **rûb-*: **reub-* с необычным корневым детерминативом (вместо гораздо более правдоподобного *-bh-*, который и предполагается нами для слав. *ryba*).

Совсем недавно с объяснением этимологии слова *ryba* (правда, в виде предположения) выступил Р. О. Якобсон⁵. Исходя из метатезы типа **ûrt- > *rût-*, он предлагает видеть в славянском слове корень **ûr-* „вода“, сопровождаемый балто-славянским суффиксом абстрактных имен *-ba*. Наши сомнения или возражения заключаются в том, что суффикс *-ba* использовался лишь в отглагольных или отадективных именах с абстрактным значением, отыменные же образования с этим суффиксом нам неизвестны. Кроме того, пока отсутствуют также примеры, наглядно подтверждающие метатезу типа **ûrt- > *rût-*. И, наконец, обозначение рыб по принципу „*aquatics*“ при всем своем правдоподобии нуждалось бы в поддержке аналогичных примеров. Поэтому доказательная сила этимологии Р. О. Якобсона в общем не может считаться достаточной.

Если исходить из того весьма возможного факта, что древнее слово **zъbъ* стало табуистическим, то нужно ожидать, что пришедшее ему на смену слово будет описывать рыбу чисто внешне.

Многочисленные аналогии делают весьма вероятным появление вместо утраченного слова прилагательного, возможно,

³ См. A. Vaillant. Slave commun *ryba*. RÉS, 9, 1929, pp. 123—125.

⁴ См. A. Brückner. Etymologien. Slavia. 13, 1934—1935, SS. 272—280.

⁵ См. R. Jakobson. On Slavic Diphthongs Ending in a Liquid. Word, 8, № 4 (Slavic Word, 1952, № 1, p. 306).

некогда связанного с ним. Нам кажется, что в основе праслав. *ryba* как раз и лежало прилагательное с суффиксом *-ba* из *-*bhā*, женский род которого мог отражать соответствующий род утраченного **zъvъ*. Скорее всего это прилагательное определяло рыбу как нечто пестрое, рябое, состоящее из разнородных чешуек. Что такой способ называния рыб существует в действительности, легко убедиться на широко известных славянских языковых фактах, оставляя в стороне многочисленные неславянские параллели. Так, очевидна связь **zъvъ*, старого праславянского названия рыбы, с **zъv-elo*, хотя реальная интерпретация этой связи Вайяном не является, кажется, убедительной или по крайней мере единственно возможной⁶. Еще более наглядную параллель можно найти в славянских названиях форели — одной из наиболее распространенных пород рыб на территории древнейших поселений славян; ср. болг. *пѣстрѣва*, сербохорв. *pástruga*, словенск. *pastróga*, чешск. и словацк. *pstruh*, польск. *pstrąg*, н.-луж. *pstrug*, в.-луж. *pstruha*, русск. *пеструх*, *-ушка*, укр. *пструг*, сопоставление которых дает возможность реконструировать праслав. **pъstroǵъ*, *-ga*, слово, применявшееся, видимо, для обозначения *Salmo fario*; из названий, не получивших общеславянского распространения, ср. русск. *рябец* *Trutta* и др.

В случае правильности предложенного объяснения станет понятной природа элемента *-ba* (из *-*bhā*), который в древних индоевропейских языках употреблялся в словах, обозначающих цвета и животных, причем в некоторых случаях затруднительно провести различие между этими двумя группами слов⁷. Поэтому дальнейшие уточнения, касающиеся этого суффикса, здесь были бы неоправданными⁸.

Каким образом возникло название рыбы по указанному выше принципу и стало ли оно сразу общим названием всего класса рыб или сначала относилось лишь к определенной породе (или породам) рыб, сказать трудно. Тем не менее, есть некоторые основания предполагать, что первоначально название, сменившее старое слово **zъvъ*, обозначало лишь тех рыб, которые принадлежат к семейству лососевых (*Salmonidae*), или даже их отдельные виды.

Во-первых, почти всегда, когда рыбу называют по принципу „пестрая“, „рябая“, имеются в виду именно лососевые.

⁶ О слав. *zveno* и связанной с ним цепи слов см. V. Kiparsky. Über etymologische Wörterbücher. „Neuphilologische Mitteilungen“, LX, 1959, SS. 229—230.

⁷ Бел. *стронга*, естественно, объясняется заимствованием из польского.

⁸ Подробнее всего этот суффикс в славянских и балтийских языках описан П. Арумаа в статье „Die Verwandtschaftsverhältnisse zwischen Baltisch und Slavisch“. ZfsLPh, 24, 1955, SS. 9—28.

И это не удивительно, если обратиться к описаниям окраски лососевых, особенно *Salmo fario*⁹.

Во-вторых, предполагаемое обобщение старого названия лососевых и отнесение его ко всему классу рыб кажется возможным и потому, что лососевые представляли собой одно из наиболее распространенных семейств в речных бассейнах праславянских территорий; с ними могли соперничать лишь карповые (Cyprinidae), промысловое значение которых менее значительно, чем лососевых.

В-третьих, применение общего названия, внешне и весьма неопределенно описывающего всех лососевых, вполне вероятно, если учесть трудности точной классификации разных представителей этого семейства в связи с некоторыми биологическими особенностями лососевых. Эти трудности не разрешены полностью и современной ихтиологией; нечего и говорить, что в древности они были еще значительнее. Наконец, известен случай, когда название одного из видов лососевых стало общим обозначением всего класса рыб, ср. тох. *laks* „рыба“, находящее соответствие в германских и славянских языках¹⁰.

Теперь в заключение остается определить звуковой вид корня, приведшего к праславянской форме *ryba*; более конкретно нас интересует, конечно, вопрос о происхождении гласного *y* в анализируемом слове.

В последние десятилетия в результате работ Г. Ильинского, А. Мейе, А. Вайяна и ряда других ученых стала популярной теория о едином источнике (не считая, конечно, флексий) славянского *y*. К сожалению, приверженцы этой точки зрения предпочли обойти ряд не вполне ясных примеров, на основании которых еще раньше строились предполо-

⁹ См. А. Э. Брем. Жизнь животных, т. 3. СПб., 1902, стр. 391 и 396.

¹⁰ Менее вероятно предположение П. Тиме о следах этого названия в древнеиндийском языке. Ср. *Der Lachs in Indien*. KZ, 70, 1951, SS. 209—215; его же. *Die Heimat der indogermanischen Grundsprache. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz*. 1953, N 11. Wiesbaden, 1954, SS. 550—558; см. также критическую статью М. Майрхофера „Altindisch *laksā*. Die Methoden einer Etymologie“. ZDMG, 105, 1955, SS. 175—183. Особая важность лососевых для исследований, посвященных выяснению древнейших территориальных отношений, заставила многих ученых подробно заняться проблемой лосося. Кроме уже указанных работ, следует отметить исследования В. Порцига, В. Георгиева, Вяч. Вс. Иванова (индоевропейская проблематика); М. Рудницкого „Wartość nazw drzewa bukowego, lososia i rdzenia *lendh-* dla wyznaczenia prakolebki (praojczyzny) indoeuropejskiej i słowiańskiej“. BPTJ, 15, 1956, str. 127—137; J. N. Sebestyén. „Zur Frage des alten Wohngebietes des uralischen Völker“. Acta Linguistica. I, 1952, SS. 273—346. Budapest и др.

жения об особом происхождении y^{11} , или интерпретировали их весьма сложно, отрывая при этом соответствующие балтийские факты. В известной степени решение вопроса затруднялось тем обстоятельством, что хронология перехода $\bar{u} > u$ оставалась невыясненной; отдельные попытки установить ее, по нашему мнению, обычно оказывались едва ли правильными, поскольку указанный переход связывался с общей тенденцией к делабиализации гласных (Трубецкой, Якобсон, совсем недавно Мареш)¹², а последняя (на основании $\bar{o} > \bar{a}$) часто относилась к древнейшему периоду праславянского языка.

Нам кажется, что нет достаточно серьезных оснований считать, что существовала непосредственная связь между переходом $\bar{o} > \bar{a}$ и $\bar{u} > u$ (тем более нельзя говорить о синхронности этих процессов), и в этом, как и в снижении хронологии изменения $\bar{o}$ в праславянском, нельзя не согласиться с Н. Ван-Вейком¹³. Во всяком случае некоторые факты дают возможность обнаружить в славянских языках дописьменного периода следы $\bar{u}$, еще, видимо, не перешедшего в u (ср. германскую транскрипцию отдельных словенских имен, относящуюся к VIII в., или особенности славянской передачи балтийских топонимических названий, содержащих $\bar{u}$ в VI—VII вв., в отличие от позднейшей передачи того же $\bar{u}$). По этим сообщениям, а также учитывая некоторые данные системного порядка (связь $\bar{u}$ с $\bar{e}$, лабиализованным еще в поздний период праславянского языка), приходится отнести делабиализацию $\bar{u}$ в u к числу последних праславянских явлений (или, может быть, иногда и к более позднему периоду). Видимо, именно в это время u получил довольно широкое распространение, в ряде случаев выйдя за пределы, которые определялись границами старого $\bar{u}$. Здесь мы имеем в виду целый ряд слов, содержащих u , но не имеющих достаточно надежной этимологии (при этом, однако, ясно, что в них u не может восходить к $\bar{u}$), а также слова, в которых u объясняется из тавтосиллабического сочетания с носовым согласным. Наконец,

¹¹ Не говоря уже о работах Фортунатова, Педерсена, Вондрака, особенно следует упомянуть статьи Ф. Лорентца (*Die Behandlung der Lautgruppen in, un + Konsonant im Slavischen*. AfsI Ph, 18, 1896, SS. 86—106), И. Микколы (*Lit. gisla „Ader“ und die Behandlung der Verbindungen in, un, im, um im Slavischen*. BB. 22, 1896, SS. 245—255), А. Брюкнера (*Über Etymologien und Etymologisieren*. KZ, 48, 1918, SS. 161—229), четче других поставивших вопрос о происхождении u в старых сочетаниях с носовым согласным и собравших значительное количество примеров.

¹² См. F. V. Mareš. *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*. Slavia, 25, 1956, str. 445, 449.

¹³ См. Н. Ван-Вейк. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода. Slavia, 19, 1950, стр. 301—302.

сюда же следует отнести ряд слов с экспрессивным значением, имеющих *y*, и, что особенно важно, многочисленные флексии, содержащие *y* (ср., например, вин. п. мн. ч. *o*-основ.; твор. п. мн. ч. *o*-основ; род. п. ед. ч. *ā*-основ; им.-вин. п. мн. ч. *ā*-основ; вин. п. мн. ч. *u*-основ; им. п. ед. ч. *l*-основ (тип *kamy*); им.-вин. п. мн. ч. личных местоимений 1-го и 2-го лица; вин. п. мн. ч. родовых местоимений с твердой основой (тип. *tu*); им. п. ед. ч. действительных причастий наст. времени (тип. *pesy*); наречия типа польск. *tędy*, чешск. *tudy*, русск. диал. *туды* и т. д.¹⁴

Показательно, что в конце праславянского периода и в раннеславянскую эпоху сфера употребления *y* расширяется за счет случаев типа *kyj*, наречий на *-sky* и других примеров, в которых после задненебного согласного появляется *y*, за счет появления *y* из сочетания *ъ* с последующим *i* (прежде всего в полных прилагательных и в случае внешнего сандхи, ср. особенно старославянские тексты), за счет своеобразной субституции некоторых звуков в славянских заимствованиях из других языков (ср. старосл. *манастыръ* при *μοναστήριον*, *псалтыръ* при *ψαλτήριον* и т. д.).

Приведенные выше соображения относительно происхождения звука *y* и его хронологии объясняют, почему в случае со словом *ryba* важнее определить общий вид корня, чем искать точный ответ на вопрос о том, что предшествовало в данном слове звуку *y*. Во всяком случае такое решение, проигрывая в наглядности, было бы наиболее строгим. Поэтому мы считаем возможным ограничиться реконструкцией типа *ryba* < **rābā* < **rābh-*, где *ā* обозначает источник славянского *y*.

Разумеется, что можно было бы попытаться интерпретировать этот *ā*, сознавая, что на этой ступени анализа мы вступаем в область гипотез. В частности, нам кажется вероятным, что за *ā* крылось некогда сочетание *u* с носовым согласным; именно оно в целом ряде случаев, еще более подтверждаемых аналогичным изменением *im*, *in* в *ī*, приводило

¹⁴ Отказ при объяснении происхождения *y* от анализа флексий на *-u* под предлогом особого положения конца слова в отношении фонетических процессов в данной ситуации следует признать неправильным. Несомненно, что развитие конца слога определялось теми же тенденциями, которые действовали в начале и в середине слова; другое дело, что здесь существовали некоторые дополнительные условия для более быстрого протекания тех или иных процессов или для аналогических выравниваний. Однако в общем эти условия не могут объяснить, почему в данной флексии возникал именно *y*. Поэтому едва ли целесообразно полностью игнорировать случаи употребления *y* в конце слова при рассуждениях о происхождении этого звука. К тому же в ряде случаев понятие конца слова оказывается весьма неопределенным, ср. слав. *vy* при лат. *vōs*.

к возникновению *y* через ступень *ī* (или *ǣ*)¹⁵. В таком случае напрашивалось бы сравнение с лит. *rūmbas* (и *rūmbas*)¹⁶, латышск. *rōbs*¹⁷ (со значением „рубец“, „шрам“, „кайма“ и т. д., ср. др.-русс. *рубѣ*), связь которых с глаголом, обозначающим „рубить“, несомненна. Лит. *rumbėti* „рубить“ связан целым рядом постепенных переходов с *rambėti*, *rembėti*, *rimbsoti* и далее, видимо, с *raĩbti*, *raibėti*, *raibuoti*, *reibti* (ср. еще прусск. *roaban*). Эта серия семантических переходов, сопровождаемая чуть ли не всеми возможными изменениями вокалического центра корня, находит известную параллель и в славянских языках, отмеченную еще И. Зубатым¹⁸, ср. *řeb-* : *řob-* : *řeb-* (из **roib*)¹⁹ : *rib-* (?), а также и в других индоевропейских языках²⁰.

Примеры семантических переходов такого рода нередки. Если же мы на них не останавливаемся здесь подробнее, то только потому, что они происходили, надо полагать, в гораздо более древнюю эпоху, чем та, которая нас сейчас интересует. К тому же отдельные детали все равно бы остались неясными. Поэтому более благоразумным было бы общее указание на связь славянского слова *ryba* с указанным комплексом фактов без уточнения частных.

SLĚPŤ

Если пренебречь явно устаревшими этимологиями этого слова или маловероятными сопоставлениями (как, например, с однажды упомянутым гот. *hleibjan* : *hleibida*. Лука I, 54), то окажется, что поиски разгадки слав. *slěpŭ* ведутся в двух направлениях. Чешские лингвисты обращают внимание на

¹⁵ См. T. Milewski. O powstaniu prasłowiańskich samogłosek nosowych. RSI, T. 10, 1931, str. 80—115; его же A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves (рец.) RSI, T. 18, 1956, pp. 55—57 (даже Я. Отрембский, в общем отрицательно относящийся к идее происхождения *y* из *ī*, *ū*, вынужден сделать исключение для ряда примеров. См. Przyczynki słowiańsko-litewskie. WIno, 1930, (раздел „O traktowaniu tautosylabicznych łączy in, un w grupie słowiańskiej“, str. 26—48). Однако ни раньше, ни в данном случае мы бы не пытались решить, возникло ли *y* из *ī* и т. д. или последнее сначала дало *ī*.

¹⁶ Также и *rumba*, *rumbē*.

¹⁷ К. Буга считает латышск. слово заимствованием из русского. См. Kalba ir senovė. Kaunas, 1922, p. 88.

¹⁸ См. J. Zubaty. Slavische Etymologien. AfslPh, 16, 1894, SS. 409—410.

¹⁹ Ср. укр. *рібий* наряду с *рябий*.

²⁰ Такие же отношения (фонетически) представлены в целом ряде индоевропейских корней. На одном из подобных примеров недавно остановился Г. Край. Eiter-und Zugehöriges in Gewässernamen. BzNf, B. 7, 1956, SS. 105—116.

лит. *žlibas, žlibis* „плохо видящий, подслеповатый“²¹. Большая же часть ученых предпочитает связывать славянское слово с лит. *slēpti* „прятать, скрывать“, латышск. *slēpt* „прятать, скрывать“.

Что касается первого объяснения, то нас смущает прежде всего фонетическая сторона сравнения, которая, как известно, не представляет никаких трудностей для Яначека и Махека. Кроме того, чешские этимологи не потрудились над выяснением истории указанного литовского слова и его связей с другими словами. При неясности отдельных деталей, относящихся к не имеющему параллелей в балтийских языках корню *žlib-*, очевидна связь лит. *žlibas, žlibis* с глаголом *žlibti (žlimba)* „слепнуть, мутиться (о глазах)“. В свою очередь едва ли можно отделять *žlibti* от глагола *žlèbti (žlèmba)* „ослабевать, дрябнуть“²². Круг значений этих двух глаголов может, вероятно, объяснить, почему *žlibas, žlibis* обозначает именно „подслеповатый“, а не „слепой“ (ср. *āklas, ākti*). По нашему мнению, *žlibti* и особенно *žlèbti* получают наиболее удовлетворительное объяснение, если сравнить их с глаголом *glèbti (glemba)* „ослабевать, обмякать“ и т. д., экспрессивными вариантами которого они являются (правда, уже с несколько специализированным значением). Мена же *g : g'* (*glèbti — žlèbti, žlibti*) как частный случай общего принципа эмпатизации в балтийских языках (прежде всего в пейоративном плане) хорошо известна, особенно после исследований И. Эндзелюна. При таком объяснении внутренних связей лит. *žlibas, žlibis* сравнение со слав. *slěpъ* окончательно теряет почву.

Сближение с лит. *slēpti* и латышск. *slēpt* также не представляется достаточно убедительным, хотя в принципе отношение славянского корневого гласного (из *-oi-*) к балтийскому *-ē-* могло бы получить объяснение в свете теории вторичного абляута²³. Более существенными являются трудности семантического характера. Круг значений указанных балтийских глаголов заставляет нас сравнить их с греч. κλέπτω, лат. *clepo* гот. *hlifan*, являющимися рифмованными соответствиями к лит. *slēpti*, латышск. *slēpt*. Такое сопоставление приобретает особую очевидность, если вспомнить, что специализированному значению „красть, воровать“ в греческом, латинском и гер-

²¹ См. K. Janáček. Nové etymologie. Slavia, 24, 1955, str. 1—3; J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, str. 337; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, str. 453.

²² Возможные дальние связи с *žlèbti (nužlèbti), žlièbti (nužlièbti)* здесь оставляются в стороне.

²³ См. H. Reichelt. Der sekundäre Ablaut. KZ, 39, 1904, SS. 1—80.

манском глаголах предшествовало более раннее — „скрывать, утаивать, прятать, уносить в тайне“, которое еще сохраняется в κλέπτω и в лат. *occula* (из **ob-cel-*). Не менее убедительным было бы сравнение восточнобалтийского корня **slēp-* с прусским словом *auklipts* (из **au-klēp-ts*), встречающимся только однажды в Энхиридионе (77,4). Возникло ли *s-* вместо *k-* в лит. *slēpti*, латышск. *slēpt* в результате контаминации двух глаголов, как полагал Эндзелин²⁴, или оно должно объясняться из однокоренных слов с подвижным начальным *s-*²⁵ или еще каким-нибудь другим путем, сейчас решить трудно. Однако сказанное выше, видимо, дает нам основание при анализе слав. *slěpъ* оставить в стороне балтийские параллели указанного типа, хотя некоторые из них по внешнему виду близко напоминают славянское слово; ср., например, лит. *slėpūnas* „невидимка“ (но никак не „слепой“).

Поэтому приходится искать разгадку слав. *slěpъ* на новых путях.

Во всех славянских языках прилагательное *slěpъ* показывает в корне -ě-, дифтонгическое происхождение которого становится очевидным из некоторых глагольных примеров, не успевших еще обобщить вокализм прилагательного (здесь можно упомянуть об *осланѣша* и *ссланиъ* из Супрасльской рукописи, о чешск. *oslnouti*, *oslniti*, польск. *oslnąć* из *oslnąć*). Таким образом, для известного периода в истории праславянского языка следует восстановить отношение **sloip- : *slip-*. Этим исчерпываются внутренние ресурсы для дальнейших реконструкций²⁶; остается лишь возможность дать содержательную интерпретацию указанному архетипу, связав его с определенными комплексами в самих славянских языках и, если удастся, в других индоевропейских диалектах.

Направление интерпретации с нашей точки зрения определяется прежде всего семантическими ограничениями, имеющими место в отношении слов со значением „слепой“. Как известно, чаще всего слепота характеризуется по принципу „мутный, грязный, смешанный“ и т. д.²⁷. Наше предложение сводится к тому, чтобы проверить установленные праславянские формы в сравнении с индоевропейским корнем **leip-*, значения которого в словаре А. Вальде и Ю. Покорного

²⁴ См. K. Mülenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca*. XXXIII burtiņa. Rīgā, 1928, l. 930.

²⁵ Ср. нем. *schleppen*.

²⁶ Привлечение к сравнению церковно-слав. *слѣпъ*, сербохорв. *slāp*, *slāptati se* и т. д. становится возможным лишь на более позднем этапе анализа.

²⁷ См. C. D. Buck. *A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages*. Chicago, 1949, pp. 322—323.

определяются как „mit Fett beschmieren, Fett, klebrige Masse; kleben, klebenbleiben“²⁸ (анализ примеров того же корня, но с другими корневыми детерминативами, а также с подвижным начальным s-увел бы нас слишком далеко, и поэтому его здесь лучше не проводить).

Корень **leip-*: **lip-* со значением „мазать“ лучше всего сохранился именно в славянских (*lǫpěti, lǫnqti, -lipati* и т. д.) и балтийских языках (лит. *lipti, limpù*, латышск. *lipt* и т. д.), а также в др.-инд. *limpāti, lipyáte* и др.-греч. *ᾰλεῖψω*); германские, тохарские и некоторые другие соответствия представляют несколько отличное от указанного значение. Не вдаваясь в обзор всех ответвлений в развитии отдельных значений в разных индоевропейских языках, укажем лишь два основных направления, имеющих прямое отношение к славянским языкам и к этимологии разбираемого слова. С одной стороны, естественное семантическое развитие **leip-* и его варианта привело к появлению у слов с этим корнем значений „ясный, светлый, прозрачный, красивый, хороший“; ср. слав. *lěpъ* (из **loip-*) с семантической параллелью „смазливый“—„мазать“; лат. *limpidus*, отнесение которого к названному корню представляется более вероятным, чем крайне гипотетическая идея об оскско-умбском происхождении этого слова и связи с корнем **lik-*, не говоря уже о старом сравнении с оскским *Diumpais*; ряд балтийских слов со значением „светлый, блестящий“ и т. д., а также отдельные германские и кельтские примеры, варьирующие значения и звуковой вид корня. С другой стороны, существуют не менее многочисленные случаи, когда развитие значений в корне **leip-* принимало отрицательную окраску. Помимо др.-инд. *lepas* „грязь“ (одно из значений), *repas* то же, *riprám* „грязь, нечистота“, албанских слов, приведенных в словаре Вальде и Покорного и др., особенно следует указать на лат. *lippus*²⁹ „имеющий воспаленные глаза, подслеповатый“ (ср. *lippio* „иметь воспаленные глаза“; *lippitudo* „воспаление глаз“, „загноение глаз“), отмеченное в связи со слав. *slěpъ* еще в 1911 г. Эрлихом. Хотя это наблюдение и оказалось забытым³⁰, его правильность представляется нам весьма возможной, особенно если учесть ведущие семантические тенденции в развитии корня **leip-* и наиболее вероятные принципы, лежащие в основе понятия „слепой“.

²⁸ A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Berlin, 1930, S. 403.

²⁹ С экспрессивным удвоением р.

³⁰ О нем упоминается лишь в словаре Вальде и Покорного (т. 2, стр. 403), которые без всяких пояснений отвергают это наблюдение.

Разумеется, что можно спорить о том, какое значение слова *slěpъ* было первоначальным („грязный“, „мутный“, „замазанный“, „слипшийся“³¹ и т. д.), но сейчас приходится считаться с реальными возможностями и отказаться от дальнейших уточнений, ограничившись констатацией связи между и.-евр. **leip-* (**loip-*)³² и слав. *slěpъ*.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предполагаемое нами в слове *slěpъ* подвижное *s-* весьма нередко выступает именно в таких условиях, какие были здесь: более того, известен ряд случаев, когда тот же самый и.-евр. корень **leḵ-* выступал в виде **sleḵ-*. Возможно, что закрепление *s-* в *slěpъ* связано с необходимостью четкого противопоставления по отношению к *lěpъ* и т. п.³³.

Особый вопрос мог бы возникнуть в связи с наличием на первый взгляд совершенно неожиданного значения в польских словах *ślepie*, *ślipie* „глаз“, *ślepki*, *ślipki*, *ślepięta* „глазки“. К счастью, этот вопрос был решен в одной из самых последних статей Э. Френкеля³⁴.

³¹ Ср. „слипаться“ (о глазах).

³² Некоторые интересные аналогии к развитию значений в корне **leip-* можно найти в статье И. Гонды о семантически близком корне **sneigʰh-*. См. J. Gonda. Die Grundbedeutung der indogermanischen Wurzel **sneigʰh*. KZ, 72, 1955, SS. 228—230.

³³ Ср., например, от корня **sneigʰh*: *sněgъ* и *něga*, *něžьnъ*.

³⁴ См. E. Fraenkel. Zur Verkürzung von Komposita in den indogermanischen Sprachen. MNHME XAPIN. Festschrift P. Kretschmer, Wien, B. I, 1956, S. 103.